

Литература

1. *Майданский А.Д.* Предисловие к «Диалектике идеального» // «Логос», №1, 2009. С. 3–5.
2. *Мареев С.Н.* Из истории советской философии. Лукач-Выготский-Ильенков. М.: «Культурная Революция», 2008. 448 с.
3. Что такое пролетариат? Часть 2. Электронный ресурс <https://zarya.xyz/>
4. *Альтюссер Л.* Ленин и философия. Пер. с фр. Н.Кулиш. М.: Ad Marginem, 2005. 175 с.
5. *Ильенков Э.В.* О положении с философией // Эвальд Васильевич Ильенков. — Москва, 2008. С. 378–387.
6. *Ильенков Э.В.* Становление личности: к итогам научного эксперимента // «Коммунист», №2, 1977. С. 68–79
7. *Benoît Mandelbrot.* How Long Is the Coast of Britain? Statistical Self-Similarity and Fractional Dimension. Science, New Series, Vol. 156, No. 3775. (May 5, 1967), pp. 636–638.
8. *Бурик М.Л.* Человек и экономика в виртуализованном мире. «Аграр Медиа Групп», 2016.
9. *Лобастов Г.В.* Идеальное. Образ. Знак. «Русская панорама», 2017. 232 с.

1.12. А.П. Петров

СУБСТАНЦИАЛЬНЫЙ МОНИЗМ КАК ДИАЛЕКТИКА МАТЕРИАЛЬНОГО И ИДЕАЛЬНОГО

Вначале будем исходить в развитии заявленной темы из трактовки субстанциональности Э.В. Ильенковым, тем более, что он учитывал выводы великих предшественников — Декарта, Спинозы, Канта, Гегеля.

Итак, «субстанция (лат. substantia — сущность; то, что лежит в основе), — объективная реальность, рассматриваемая со стороны ее внутреннего единства, безотносительно ко всем тем бесконечно многообразным видоизменениям, в которых и через которые она в действительности существует; материя в аспекте единства всех форм ее движения, всех возникающих и исчезающих в этом движении различий и противоположностей» [7, с. 151].

В ильенковском понятии субстанции можно выделить следующие аспекты — субстанция это: 1. материя (поскольку дефиниция «объективная реальность» прочно ассоциируется с данной категорией) как некое основание всего сущего, как целое, нечто единое; 2. однако, эта материя расчленена внутри себя на бесконечное многообразие своих форм («видоизменений») (здесь формы материи учтены со стороны их наличности, актуальности, т.е. как «вещи»); 3. будучи целым, эта материя-субстанция, тем не менее, каким-то образом объединяет в себе также все формы движения всех своих

многообразных модификаций (здесь формы материи учтены со стороны их движения, т.е. как процесс); 4. однако, формы материи-субстанции (её «бесконечно многообразные видоизменения») сами не являются субстанциями (другими словами — не имеют в себе *causa sui* и, следовательно, инертны, не способны к самодвижению, хотя это самодвижение и декларируется); 5. субстанция как целое саморазвивается, хотя и не указан механизм её саморазвития (таковым вряд ли можно считать упомянутые «возникающие и исчезающие различия и противоположности», поскольку они отнесены не к субстанции в целом, а к её «бесконечно многообразным формам»).

Т.о. субстанция трактуется Э.В. Ильенковым как материя в целом, всеобщее, непонятным образом соединяющее в себе всё многообразие как актуальных материальных форм (особенное и единичное), так и форм их движения, а также содержащая внутри себя необъяснённую причину собственного самодвижения. Хотя «бесконечно многообразным видоизменениям», содержащимся внутри единой субстанции и приписана возможность движения, но они, согласно определению же, тем не менее, не являются субстанциями, т.е. не имеют внутри себя причины самодвижения и, следовательно, лишены способности к самодвижению и потому непонятно, как и за счёт чего они движутся.

Продолжим — «...диалектический материализм рассматривает ее (субстанцию. Прим. наше. — А.П.) как одно из универсально-логических определений материи. В понятии субстанции материя отражена уже не в аспекте ее абстрактной противоположности сознанию (мышлению), а со стороны внутреннего единства всех форм ее движения, всех имманентных ей различий и противоположностей, включая сюда и гносеологическую противоположность «мыслящей» и «немыслящей» материи» [7, с. 152].

Если в определении, приведенном в начале, субстанция рассматривалась в её онтологическом статусе («объективная реальность»), то здесь она выступает уже как сугубо гносеологическая категория («универсально-логическое определение»), с чем можно согласиться только в том случае, если оставить за субстанцией и онтологический статус — такая субстанция предстаёт именно как диалектический (и онтологический, и гносеологический) объект. В данной цитате субстанции приписана также имманентность мышления, но не объяснена причина такой имманентности, она только декларируется под давлением эмпирии.

Вызывает вопросы и следующее утверждение: «Понимание материи как субстанции как раз и связано с требованием понять (“вывести») сознание во всех его формах из движения материи, сознанием не обладающей, — понять противоположность материи и сознания (мышления) как лишь относительную противоположность, а не как абсолютную и исходную, каковой она выступает лишь в пределах основного гносеологического вопроса, лишь в рамках гносеологии как особой науки. В категории субстанции само мышление (сознание) представляется как один

из ее атрибутов, генетически связанный со всеми другими атрибутами и их предполагающий» [7, с. 152].

Во-первых, настойчивое стремление представить материю как субстанцию («понимание материи как субстанции...») совершенно игнорирует факт сущностного различия материи и субстанции. Материя как объективная реальность есть только основание (вспомним Гегеля) субстанции. Но субстанция тоже есть объективная реальность, однако эта реальность есть уже обоснованное, содержащее основание в-себе, и вот причину этого обоснования (а также различие материи и субстанции) и следует выяснить.

Во-вторых, в приведенной цитате предлагается «вывести сознание... из движения материи». Но ведь субстанция изначально диалектически соединяет в себе и материю, и мышление (вернее, материальное и идеальное) и вывести один из субстанциональных атрибутов из другого невозможно в принципе — атрибуты суть равнозначные, равноценные субстанциональные составляющие, причём синхронные, их невозможно развести во времени и пространстве — здесь нельзя вести речь о первичности и вторичности, но только о диалектическом единстве (повторим самого Ильенкова — «в категории субстанции само мышление (сознание) представляется как один из её атрибутов, генетически связанный со всеми другими атрибутами»). В противном случае из диалектического мира мы возвращаемся в мир дуалистический.

Утверждение — «материя... как субстанция рассматривается как материя, мыслящая в лице человека «сама себя», а не что-либо «другое»» [7, с. 152] — содержит аллюзию, что человек как мыслящий представитель субстанции как целого, тем более способный мыслить и это целое, также субстанционален, но это положение не развивается, а, напротив, человек дедуцируется до состояния модуса субстанции — «субъект, наделенный сознанием и волей, т.е. личность, тут понимается как модус той же самой всеобщей субстанции, как способ ее саморазличения, как ее представитель, и лишь постольку — как субъект» [7, с. 153]. Но ведь в субстанциональном ракурсе субъект понимается как то, что саморазвивается, исходя из внутренней причинности, что, разумеется, предполагает и саморазличение — именно это и есть внутренняя характеристика субстанции как субъекта собственного саморазвития — если таков человек, то и он субстанционален.

Окончательный вывод, что «субстанция, с одной стороны, понимается как материя, а с другой стороны, эта материя трактуется одновременно как субъект всех своих изменений как «субстанция-субъект», т.е. активная причина всех своих формообразований» [7, с. 153], и который (вывод), с одной стороны, отождествляет материю и субстанцию, не делая между ними различия, но, с другой стороны, одновременно объявляет субстанцию субъектом самодвижения, без указания механизма са-

самодвижения, не находит внутреннего обоснования и представляет собой эмпирический вывод, не выдерживающий проверки логикой.

Такое наполненное противоречиями понимание субстанции заставляет вновь обратиться к самой сущности субстанциональности в трактовке Спинозы, послужившей отправным тезисом для Ильенкова и под каковой понимается: 1. самостоятельное, ни от чего не зависящее существование; 2. самопричинность; 3. как следствие — способность к самодвижению, т.е. субъектность [6, с. 361].

Однако, Спиноза только декларирует наличие внутренней причины самодвижения, одновременно перемещая её сущность из субстанции вовне, во внешнего бога: «...всё, что существует, выражает известным и определенным образом могущество бога, составляющее причину всех вещей» [6, с. 394]. Даже если, как это часто представляют, считать, что бог есть природа в целом, то и это допущение не разрешает проблемы причинности как внутреннего фактора самодвижения субстанции. Кроме того, одного голословного указания на существование некой внутренней причины как источника самодвижения без раскрытия его сущности явно недостаточно [6, с. 351].

Т.о. спинозовская субстанция только формально, но не сущностно самопричинна и субъектна, т.е. способна к самодвижению, что и было отмечено Гегелем: «...у Спинозы субстанция и ее абсолютное единство имеют форму неподвижного единства, т. е. не опосредствующего себя с самим собой, — форму какой-то оцепенелости, в которой ещё не находится понятие отрицательного единства самости, субъективность» [1, Т.1, с. 332]; «...субстанция определяется не как различающее само себя, не как субъект» [1, Т.1, с. 480].

Но уже одна только идея Спинозы, что «субстанция мыслящая и субстанция протяженная составляют одну и ту же субстанцию, понимаемую в одном случае под одним атрибутом, в другом под другим» [6, Т. 1 с. 407] представляла огромный шаг вперед в понимании единого (монистичного) саморазвивающегося мира. Своей глубокой идеей единства протяженности и мышления (другими словами — материального и идеального) в одной субстанции Спиноза пытается уйти от дуализма материального и идеального, неустранимого как в рамках вульгарного материализма (по крайней мере материализма, не объясняющего исчерпывающе сущности идеального), так и идеализма, и утвердить идею субстанционального монизма.

Спинозовскую «оцепенелую» субстанцию «оживил» Гегель, постулировав в качестве причины и механизма самодвижения внутреннюю противоречивость, заключавшуюся в том, что «нечто» саморазличая, саморефлексируя (отражая!) себя в себя же устанавливало внутри себя внутреннюю границу, разделявшую стороны становящегося противоречия. Такое саморазличенное «нечто» представало уже как наличное,

внутренне противоречивое, бытие, обладавшее интенцией самодвижения как следствием взаимного рефлексирования сторон внутреннего противоречия — субстанция оформилась.

Принцип отрицательности, рефлексии, возведённый Гегелем в абсолют (и это можно утверждать вполне уверенно), стал тем золотым ключиком, который открыл тайну движения реальности. Но это не абстрактная отрицательность, применяемая к чему угодно, а рефлексия субъекта развития в себя (само-отрицание), соотнесение отрицаемого с отрицанием, становление противоречия, взаимодействие сторон противоречия вплоть до его разрешения — снятия противоположностей в новом качестве (отрицание отрицания). А это уже положительный момент — снятие противоречия и сохранение результата движения в новой, более полной форме [1, Т.1, с. 107–108].

Принцип саморазвития, основанного на самоотрицании (на саморазличении), развитии и разрешении возникшего противоречия превращает развивающуюся реальность (у Гегеля идею) в субъект собственного движения, что дало Марксу повод для утверждения, что «деятельная сторона, в противоположность материализму, развивалась идеализмом, но только абстрактно» [5, Т.3, с. 1].

Гегель в стремлении вывести всё сущее из одного начала совершенно верно выразил дух, суть идеи Спинозы о монистичности субъекта, находящегося в основании самодвижения. Но, возвеличив идею как высшую истину и исток сущего, он логически необходимо низвёл материю до дополнения к идее, до её вторичного проявления в вещественности, тем самым сведя все формы взаимодействия материального и идеального как источника всего богатства мира к формальному следствию из идеи. Найдя источник самодвижения объективной реальности, рассматриваемой им как идея, и подробно описав механизм его действия, Гегель в конце своего исследования остановился перед проблемой перехода идеального в материальное, только кратко заметив, что «сосредоточивая себя в непосредственность бытия, идея как целокупность в этой форме есть природа» [1, Т.3, с. 310], и оставив открытой проблему этого перехода, т.е. взаимодействия идеального и материального.

Глубокая гегелевская идея саморазвития как самоопределения субъекта развития через саморазличение (отрицание), дальнейшего движения полученного противоречия и его разрешения (снятие сторон в новом качестве) повисла в воздухе, поскольку, признавая право субъектности только за идеальным и отказывая в этом материальному, Гегель тем самым разводил их на противоположные несовместимые полюсы. Дуализм снова встал непреодолимым препятствием на пути познания реальности как единой саморазвивающейся сущности. Тем не менее, принцип саморазвития посредством внутреннего противоречия, логически безупречно исследованный Гегелем, оказался тем эликсиром, который оживил субстанцию Спинозы.

Стоя на точке зрения материализма, т.е. признавая существование самодостаточной объективной реальности, следует, и это совершенно очевидно, категориально определить эту реальность и уже из этого основания диалектически (т.е. как саморазвитие) выводить все последующие определения и отношения, конкретизирующие исходную абстракцию.

Но какие же свойства, качества, атрибуты наличествуют у объективной реальности, которые делают её способной к саморазвитию?

Материя должна быть выражена, во-первых, в её существовании и, во-вторых, в её единственности — т.е. исключительно через саму себя.

Самым первым и единственно возможным определением объективной реальности будет только указание на её существование как таковое безо всяких дополнительных атрибутов. Это есть существование в чистом виде как просто данность чего-то, нечто, что ещё не может быть определено никак иначе. Существование, данность этого нечто ещё не есть его бытие, которое следует рассматривать как движение, развитие пресловутого нечто, как его жизнь. Это просто его наличие, существование, данность, актуальность («естьствование», если можно так сказать) и ничего более. По сложившейся традиции назовём это нечто материей.

Поскольку ещё ничего, кроме упомянутой материи, нет, то такая материя дана только самой себе, она не ограничена ничем, кроме самой себя и в таком качестве дана себе непосредственно, не через что-то.

Итак, материя — это объективная реальность, предстающая как её простое наличие, существование, данность, актуальность. Такая материя дана только самой себе и как таковая она непосредственна. Особо подчеркнём эту непосредственность, это очень важный момент, как увидим.

То, материя реальна (существует, наличествует), объективна (самостоятельна, самодостаточна), непосредственна (дана только себе и не различает себя, не отчуждает себя от себя). Как таковая материя естествует (наличествует, существует), но не бытийствует (не движется, не развивается).

В материи, как она определена выше, ещё не раскрыта способность, причина, в соответствии с которой из всеобщности материи возникают её особенность и единичность как формы материи. Материя, рассматриваемая сама по себе, статична, она не обладает внутренним источником самодвижения (а внешних быть не может — мы остаёмся на позициях диалектики) поскольку ещё не различает сама себя, и тем самым не ограничивает, не определяет себя. Такая материя ещё полностью в-себе, она не отчуждает себя от себя, не саморазличает своего иного и потому не имеет интенции к движению. Материя сама по себе не имеет бытия, ибо статичное существование, просто наличествование чего-то ещё не есть бытие, представляющее собой движение, жизнь.

Форм материи не только пока нет, но и не может быть, поскольку нет причины её движения и, следовательно, самого движения как появления и развития форм. Материя — это предельная абстракция существования

как такового, существования нечего, ещё совершенно не определённого, не поставленного в отрицание чему-то, не ограниченного и потому бесформенного.

Возможно поэтому, комментируя Гегеля, после его слов «субстанция обладает действительностью лишь как причина» [1, Т.2, с. 209], Ленин уточняет: «с одной стороны, надо углубить познание материи до познания (до понятия) субстанции, чтобы найти причины явлений. С другой стороны, действительное познание причины есть углубление познания от внешности явлений к субстанции» [4, Т.18, с. 142–143].

В этом ленинском требовании возвышения понятия материи до понятия субстанции совершенно ясно просматривается, во-первых, спинозовское понимание субстанции как монистического основания всего сущего, имеющего причину своего движения в себе самом, и, во-вторых, гегелевское понятие субстанции как субъекта собственного развития.

В ленинском представлении субстанция не равнозначна материи, хотя без материи субстанции быть не может. Если следовать формулировке Ленина, то в самом общем виде субстанция есть материя плюс некая причина её движения. Движение, осуществляемое таким образом, т.е. за счёт внутренней причины, есть не что иное, как самодвижение, саморазвитие и потому субстанция субъектна.

Диалектика рассматривает в качестве причины движения внутреннее противоречие, каковым может быть только саморазличение как отчуждение себя от себя, как выявление себя и своего иного как сторон противоречия. Т.е. в материи предполагается имплицитное существование качества, которое делает материю потенциально способной к саморазличению и т.о. к самодвижению. Не исключено, что подобными соображениями и вызвана загадочная ремарка Ленина, что «ощущение признается одним из свойств движущейся материи» [4, Т.18, с. 41]. И ещё: «в ясно выраженной форме ощущение связано только с высшими формами материи (органическая материя), и «в фундаменте самого здания материи» можно лишь предполагать существование способности, сходной с ощущением» [4, Т.18, с. 39–40]

Но что такое ощущение, как оно определено выше, в самой общей абстрактной форме, как не некое различие прежде единого на ощущающее и ощущаемое, т.е. возникновение взаимосвязанных (неразрывных, неотъемлемых) противоположностей и дальнейшее их взаимодействие в форме противоречия. Если ощущающее, как это можно предположить, есть материя, ибо ничего другого в наличии нет, то что же такое ощущаемое? Материя, данная самой себе непосредственно, ощущаемым быть не может, поскольку в этом случае нет ощущаемого, иного, того, что должно ощущаться.

Но это иное не может быть и чем-то посторонним материи и совершенно независимым от неё. Материя и её иное с самого начала не мо-

гут не быть тождественными, т.е. неразрывными, неотъемлемыми друг от друга, но одновременно и отличными друг от друга, разделёнными. Как таковые они есть противоположности, представляющие стороны, моменты противоречия, являющегося интенцией и потенцией движения.

Вопрос движения есть вопрос поиска причины движения, понимаемой диалектически — как вопрос о движущем внутреннем противоречии. Такое противоречие может быть следствием только саморазличения материи, её самоотчуждения, самоотрицания и возникновения т.о. противоположности материи — её иного, являющегося моментом материи, её иной стороной. Материя, отрицающая саму себя и становящаяся т.о. внутренне противоречивой, переходит в новое качество — из просто есть она начинает быть, превращается в субстанцию, саморазвивающуюся сущность.

Так что же такое бытие материи, её движение, развитие, жизнь? Признав диалектичность бытия как его движение посредством самоопределения и возникновения т.о. внутреннего противоречия и его дальнейшего развития и разрешения, применим этот принцип к полученному понятию материи.

Казалось бы, для возникновения в материи саморазличения, саморефлексии нет оснований. Но, признав наличие, актуальность, существование нечего, в нашем случае материи, в соответствии с принципом диалектичности следует признать и возможность существования не-существования, понимаемого как отрицание, противоположность, несуществование материи — её инаковость, аналог ничто, иного на языке Гегеля (меона, рассматриваемого также как иное, в диалектике А.Ф. Лосева).

Признав необходимость наличия ничто, тождественного материи, т.е. неразрывно с ней связанного и одновременно отличного, противоположного, отрицающего, следует выявить также сущность и форму этого ничто.

Материя, определённая выше как нечто неизменное, просто наличествующее, есть предельная абстракция. Но такая неизменяющаяся материя невозможна, уже сам факт существования некой объективной реальности одновременно свидетельствует также о том, что у этой реальности есть её иная сторона, представляющая «историю» её существования. Даже если мысленно предположить, что материя возникла мгновенно, то и в этом случае у этого процесса будет своя история — история этого мгновения. И эта история неразрывно связана с материей, представлена в ней, она есть сторона процесса, создающего объективную реальность, связывающего воедино свои стороны — материальную (данную, актуальную, статичную) и процессуальную (движущую, действующую, переходящую, активную).

Налицо тождественность (понимаемая, напомним, как единство и одновременно различие) сторон бытия — материальной, данной, актуальной и не-материальной, представленной в данном, актуальном, мате-

риальном как процесс возникновения и движения данной объективной реальности. В этом тождестве материя не просто есть, в ней как результате некоего процесса содержится в снятом виде и сам этот процесс.

Отныне это не прежняя материя в своей изначальной непосредственности, это другая материя, содержащая в себе также и процесс своего изменения — иное — как источник нового актуального состояния. Но это иное, как процесс изменения, не есть материальное, поскольку оно не представлено явно, непосредственно — но только опосредствованно — через новую актуальную, наличную материальность. Это иное, снятое, представленное в материальном, есть не-материальное.

Теперь материя определена со стороны процесса своего изменения, движения, она ограничена этим процессом и одновременно своей новой актуальностью опосредствует, определяет этот процесс.

Отныне материя (непосредственное) и её иное, не-материя (опосредствованное) являются тождественными моментами одновременно и отрицающими, и определяющими друг друга.

Самоопределение материи состоялось и, обретя самоопределение, материя перешла в новое качество, в котором она уже не просто нечто непосредственно данное самой себе, неограниченное, бесформенное, но теперь, определённая со стороны процесса своего движения, она движущаяся, бытийствующая реальность и как таковая уже качественно другая материя, в отличие от прежней статичной, непосредственно данной материи. В своём новом состоянии эта «другая материя» содержит в себе в снятом виде внутреннюю отрицательность, противоречивость, которая становится перманентным источником самодвижения этого нового объекта реальности (можно уже сказать — субъекта, поскольку он содержит потенцию само-развития).

Теперь можно определить сущность и форму ничто (иного), о котором говорилось выше. Ничто (иное) — это не-материальная сторона бытия (движения) материи, сущностью которой является сама история бытия, процесс возникновения и движения объективной реальности, непосредственного материального, а формой — новое актуальное состояние материального, именно в актуальности (преходящей мгновенности; данности, постоянно выходящей за собственный предел и возвращающейся в себя) которого имманентно представлен процесс его возникновения. Новая актуальная материальность самым своим наличием опосредствованно представляет процесс возникновения, становления самой себя. Так понимаемая не-материальность (процессуальность), имманентно присутствующая (представленная) в ставшем материальном, и есть идеальность как сторона бытия материального, его «своё иное».

Сущность же собственно материального, как оно определено ранее, состоит в его объективности, реальности, непосредственности, данности и в силу этих определений она (сущность) всегда совпадает с формой

материального. Интересно отметить, что на этом этапе движения форма одной стороны, материи, и форма её иной стороны, идеального, совпадают. Но форма материального представлена явно, а форма идеального — неявно, опосредствованно материальным.

Следует ещё раз подчеркнуть такой нюанс — явной, реальной формой может обладать только материя, материальное. Идеальное же как не-материальное не может иметь собственной явной формы. Идеальное как «своё иное» материи может быть представлено, выражено только неявно, посредством своего материального, в его форме.

Говоря языком гегелевской диалектики материя, рефлексировав в себя своё иное — идеальное — приобретает тем самым внутреннее определение (отрицание) со стороны своего иного. Саморазличение состоялось, материя стала, говоря языком Гегеля наличной и внутренней противоречивостью материи и её отрицания — своего иного, не-материального — как сторон противоречия, является источником дальнейшего движения уже нового объекта-субъекта реальности.

Результатом разрешения отмеченного противоречия является возникновение качественно нового объекта реальности, в котором стороны противоречия — материя и её иное (рефлексия процесса движения) — представлены в снятом виде. Этот качественно новый объект, который выше был определён как «другая материя», есть не что иное, как субстанция, которой уже имманентно внутреннее противоречие, делающее субстанцию субъектом собственного развития. Теперь перманентное внутреннее противоречие представлено двумя сторонами субстанции — материальной (материя) и не-материальной, отрицающей, рефлексивной, (иное материи, процесс становления, движения), снятой в материальном.

Этот процесс — возникновение внутренней рефлексии (появление своего иного), формирование внутреннего противоречия, сторонами которого являются его материальный и рефлексивный моменты и их последующее снятие в новом качественном состоянии того, что прежде представало как материя — есть процесс становления субстанции, внутренне диалектически противоречивой саморазвивающейся сущности.

Т.о. изначально непосредственная материя, приобретая способность к самодвижению, вступает в бытие, развитие, жизнь, становится субстанцией, которая не просто существует, но бытийствует. Субстанция, в отличие от материи, внутри себя различена и опосредствована своими сторонами, которыми являются материальный момент как объективность, реальность, непосредственность, данность и не-материальный момент как представление в актуальности, наличности, процесса её возникновения, становления, развития.

Материальный момент, материальное, дан непосредственно, представлен самим собой. Не-материальный момент представлен опосредствованно — тем же материальным, но уже изменённым в процессе движения.

Можно сказать, что не-материальное как процесс становления субстанции представляет собой закон её возникновения и развития, выражающий сущность субстанции. Являясь тождественными, моменты, стороны субстанции, выражают её внутреннюю противоречивую наполненность, напряжённую интенциональность, постоянно присутствующую потенцию движения. Определённое выше не-материальное и есть идеальное, т.е. представление в материальном процесса его движения, становления.

Таковое идеальное столь же объективно как и материальное. Но если реальность материального непосредственна, то реальность идеального явлена опосредствованно, через материальное же, как процесс становления внутренне диалектически противоречивой субстанции, сторонами которой и внутренним движущим противоречием предстают её материальный и идеальный моменты.

Подведём итог. Материя, получив посредством саморазличения, самоотрицания, новое качество — противоречивость — приобретает тем самым способность к самодвижению. Теперь это не прежняя непосредственная материя, а материя, обогащённая самоотрицанием и ставшая т.о. субъектом собственного движения — субстанцией.

В субстанции в одновременном тождестве и различии представлены две её стороны, момента — непосредственно данное материальное, наличное и представленный в этом материальном (опосредствованный этим материальным, наличным) процесс его возникновения, движения. При этом не-материальная сторона субстанции, представление в наличном материальном процесса его движения, есть идеальное. В субстанции в целом снят (снятие это не только исчезание, но и сохранение, удержание) процесс её движения и в снятом виде представлен в наличном, актуальном состоянии как тождественность материальной и идеальной сторон субстанции. Постоянно присутствующая тождественность как неразрывность материальной и идеальной сторон субстанции есть одновременно их противоречивость как различие сторон, и эта тождественная противоречивость является имманентным источником самодвижения субстанции.

Логическим путём мы пришли к выводу, что идеальное есть столь же объективное и реальное как и материальное, но, в отличие от непосредственно данного материального, объективность и реальность идеального представляются посредством этого же материального как идеальная сторона их противоречивого соотношения.

Или другими словами: Материальное — объективная реальность, данная непосредственно. Идеальное — объективная реальность, данная опосредствованно (через материальное).[8, с. 232]

Субстанция — саморазвивающаяся объективная реальность, представляющая собой тождество (неразрывное единство в различии) своих сторон — материального и идеального. Механизмом саморазвития субстан-

ции является внутреннее диалектическое (диалектическое — поскольку каждая сторона является «своим иным» другой и без неё невозможна, не существует) противоречие её сторон (моментов) — материального и идеального. Такая субстанция является субъектом собственного саморазвития — в ней Спиноза и Гегель встретились в рукопожатии.

Во избежание недоразумений следует сказать, что субстанция, о которой идёт речь, не есть нечто третье по отношению к своим сторонам, это они сами в тождестве, которое одновременно есть противоречие. Каждая из сторон есть «своеё иное» другой.

Движение субстанции есть постоянный переход материального, актуального, в идеальное (которое одновременно имманентно актуальному, материальному и есть его иная сторона) и снятие их противоречивого отношения в новом качестве, в новом, становящемся актуальным, в изменённом материальном. Движение субстанции — это кипение мгновения, перманентное снятие актуальности в себе самой и непрерывное становление тем самым новой актуальности.

Движение — это постоянная негация, последовательное отрицание обеих сторон субстанции, материального и идеального, друг другом, но и одновременно их отождествление, снятие, отрицание отрицания. Это непрерывное прехождение и становление (Гегель). В движении взаимно противоречивые стороны субстанции постоянно рефлексировать («переходят» друг в друга) и снимаются в новом, столь же противоречивом, качестве. В движении субстанция одновременно и существует (бытийствует, наличествует) — и как таковая она материальна, и не существует, она «исчезает» в движении, в процессе — и как таковая идеальна.

Субстанция предстаёт как неразрывное единство и противоречивое различие своих сторон. Поэтому выражения «сторона», «момент» следует понимать так, что речь идёт не о чём-то внешнем предмету рассмотрения (субстанции), либо искусственно в нём выделяемом, а об его имманентном качестве, без которого субстанция невозможна. Внешне субстанция представлена своей материальной стороной; её идеальная сторона представляет сущность субстанции как закон её возникновения и движения. При этом стороны субстанции не изолированы друг от друга, но взаимодействуют и влияют друг на друга, определяют одна другую и рефлексировать друг друга («перетекают» друг в друга), поскольку в противном случае субстанция также существовать не может — ведь она есть тождество своих соотносящихся друг с другом противоречивых сторон. И в этом отличие от субстанции Спинозы (бога, природы), которая вполне самостоятельна и независима по отношению к своим бесчисленным и совершенно изолированным друг от друга атрибутам.

Из застывшего в изолированности отношения атрибутов Спинозы невозможно вывести все проявления необычайно подвижного материально-идеального мира реальности (и это постоянно показывает прак-

тика), обязательно наступает момент, когда мышление не в состоянии объяснить переход материального в идеальное (и наоборот), и тогда приходится обращаться к трансцендентальному — в идеализме, либо редуцировать непонятые материально-идеальные явления только к материальным феноменам и тем самым обеднять сущность реальности — в вулгарном материализме. В обоих случаях познание лишается полноты и истинности, либо остаётся в тисках неразрешимых в границах данных концепций противоречий.

Теперь возникает вопрос — принадлежит ли статус субстанциональности природе как целому или он распространяется на все её саморазвивающиеся объекты?

Единственно правильным логическим выводом будет признание, что субстанцией является не только природа в целом, но и любые материально-идеальные объекты, саморазвивающиеся вследствие возникновения, развития и разрешения внутреннего противоречия между сторонами (моментами) субстанции, которая, т.о., является субъектом собственного движения. Форма возникновения, протекания и разрешения внутреннего противоречия постоянно изменяется в новых формах субстанции по мере их появления. Многообразие мира объясняется существованием множества форм субстанций и законов их развития.

В мире нет ничего, кроме саморазвивающихся субстанций в их бесчисленных формах, вплоть до природы в целом как субстанции. Именно такое понимание выражено в условии рассматривать категории как текущие, изменяющиеся в соответствии с изменениями вещей. С этой точки зрения все вещи (предметы, явления, системы, структуры и т.п.), фиксируемые мышлением, представляют собой не что иное, как мгновенные «снимки» названных процессов, предстающие перед нами как некие устойчивые материальные образования.

Ранее логически выведенное условие признать субстанциональным качеством единство материального и идеального, которые есть стороны, моменты субстанции необходимо дополняется выводом, подкрепляемым всем действительным многообразием мира, что это многообразие возможно только в том случае, если полагать как субстанции все саморазвивающиеся вследствие внутренней противоречивости объекты природы.

Такие субстанции предстают как саморазвивающиеся сущности, представляющие единство своих сторон (моментов) — материального и идеального — тождество которых в единстве и различии предстаёт как противоречивость, являющаяся причиной и основанием движения субстанции [1, Т.1 с. 222]

Логическим путём мы пришли к заключению, что действительность представляет собой бесконечное многообразие форм саморазвивающихся субстанций, которые есть тождество материального и идеального как их сторон, моментов и нерасторжимая противоположность которых,

переходящая в противоречие, составляет источник самодвижения субстанций. Т.о., субстанциональна и природа в целом, и бесчисленные формы саморазвивающихся субстанциональных сущностей, находящихся в множестве форм взаимодействий. Субстанция всеобща как выражение принципа самодвижения и одновременно особенна и единична как воплощение этого принципа в бесчисленных субстанциональных формах.

Мы подошли к очень важному пункту в понимании сущности субстанции как всеобщего, целого. Все рассуждения строились исходя из признания всеобщности принципа саморазвития субстанции, т.е. определялись им как целым, детерминировались им. Это целое, всеобщее, тем самым, незримо, но существенно присутствовало во всех логических построениях, определяя развитие частного, ограничивая его собой, возможно, даже создавая впечатление некой целесообразности. Рассуждая таким образом мы не сформулировали, нет, мы следовали естественным образом естественному же принципу детерминации частей целым.

Принцип детерминации частей целым предполагает, что субстанция как саморазвивающееся целое, всеобщее, в каждое мгновение актуально содержит в себе все свои различия, проявляющиеся как особенные и единичные субстанциональные формы движения, процессы и т.п., и не только различает, но и, в известных пределах, определяет направление и форму их развития. Именно принцип детерминации частей целым находит своё выражение в известном тезисе о всеобщей связи вещей, в этом принципе механизм такой связи просматривается совершенно отчётливо. Более того, принцип детерминации всеобщее развитие замыкает в круг — наличное целое детерминирует развитие частного, частное необходимо приходит к целому.

Т.о., принцип саморазвития субстанции, дополненный принципом детерминированности частей целым, вместе составляют тождество, имеющее всеобще-конкретный характер и выполняющее функцию всеобщей связи — с одной стороны бесчисленные саморазвивающиеся субстанции, представляющие движение от частного к целому (части формируют целое), которое (целое), с другой стороны, само есть субстанция и как таковая детерминирует свои части [4, Т.29, с. 229].

Подведём итог. Материя, рассматриваемая сама по себе, как просто существование, самотождественна и стабильна, она не имеет внутренней причины к самодвижению. Субстанцией материя становится только в неразрывном единстве со «своим иным» — идеальным. Сущность субстанционального монизма в тождестве, единстве, неразрывности в ней материального и идеального при их различии. (Субстанциональный монизм есть принцип и онтологический (диалектически развивающейся реальности), и гносеологический (диалектического мышления о реальности)).

Саморазличающаяся субстанция способна к самодвижению, саморазвитию посредством перманентного возникновения, развития и разре-

шения противоречия между своими сторонам, моментами — материальным и идеальным — что имеет следствием снятие сторон противоречия в новом качестве и возникновение новых субстанциональных форм. При этом первоначальная сущность субстанции — существование и способность к самодвижению — снимается, и в каждом новом шаге к ней «добавляются» новые качества, конкретизирующие каждую новую форму субстанции со стороны её движения, истории. Сущность каждой формы субстанции, т.о., исторична, а умножению форм сопутствует умножение сущностей.

Обобщая, можно сказать, что сущность всех субстанциональных форм — существование в самоопределённости и дальнейшем саморазвитии в конкретных субстанциональных формах. Как таковая сущность всегда конкретна, она представляет собой снятие процессов становления и движения конкретной субстанциональной формы. Поскольку каждая вещь есть результат исключительно её собственного процесса возникновения и движения, то идеальное каждой единичной вещи уникально, даже если множество подобных вещей возникли как результаты идентичных процессов. Как таковое идеальное единичной вещи представляет в наличном вещественном, материальном, только её собственное вещественное «прошлое» и потому особенно и единично.

Формы субстанционального движения

Первая форма субстанционального движения. Материальное и идеальное нераздельны и непосредственны (неопосредствованы)

Выше мы определили сущность субстанции как тождественность её материальной и идеальной сторон. В этом тождестве, знаменующем собой неразрывность (единство) сторон субстанции и имеющим всеобщее значение, материальное и идеальное ещё нераздельны (Нераздельность — неявное саморазличие материального и идеального, поэтому внешне предстаёт только то, что может явить себя непосредственно — материальное. Идеальное здесь полностью скрыто в материальном — саморазличие ещё в-себе, оно нераскрыто, имплицитно. Нераздельность есть внешнее представление непосредственности материального и идеального, отсутствие опосредствующих звеньев между ними, их видимая слитность. Раздельность — явное саморазличие материального и идеального, здесь они связаны не непосредственно, а через опосредствующее звено (впоследствии оно будет определено как часть материального или другое материальное) — здесь саморазличие материального и идеального уже для-себя, актуально, действительно) и это есть особенное первой формы субстанционального движения.

Рассматриваемая форма субстанционального движения характеризуется тем, что материальное и идеальное не только тождественны (не-

разрывны), но и нераздельны, а это значит, что они непосредственны, т.е. материальное как целое представляет своё идеальное в целом, между ними отсутствуют опосредствующие звенья. Это первая форма субстанционального движения.

Движение субстанции проявляется как изменение её исключительно материальной стороны, происходящее, по видимости (кажимости), как следствие взаимодействия исключительно материальных же частей субстанции. Присутствие идеального при этом внешне совершенно не просматривается, что создаёт впечатление полного отсутствия идеального.

Однако это обстоятельство не должно являться основанием для диалектической мысли для элиминирования идеального как стороны субстанции из исследования этой субстанциональной формы. Следует определить в какой форме идеальное присутствует в субстанции как её сторона.

Очевидно, поскольку здесь нет особенной части материального, представляющей идеальное, то идеальная сторона субстанции будет представлена материальной стороной в целом: материальное в целом представляет идеальное в целом. Форма тождественности здесь особенная — единство, в котором различие сторон неявно, имплицитно. Именно поэтому невозможно в этой субстанциональной форме отделить идеальное от материального и наоборот, они переплетены, слитны, непосредственны.

Противоречие материального и идеального в этой форме движения глубоко скрыто внутри субъекта движения и внешне проявляется лишь как мера, как количественно-качественные соотношения взаимодействующих материальных (по видимости) сторон. Здесь нет видимого, фиксируемого противопоставления материального и идеального, что и создаёт видимость отсутствия идеального и, следовательно, противоречия между этими сторонами субстанции.

В границах данной формы субстанции, представляющей нераздельное тождество материального и идеального, возможны многочисленные формы субстанций, движение которых определяется формами взаимодействия материального. Дело дальнейшего выделения этих форм в рамках данного субстанционального отношения материального и идеального относится к компетенции естественных наук, изучающих формы взаимодействия материальных объектов (Сюда следует отнести т.н. физическую и химическую формы движения, которые являются разными формами взаимодействия субстанциональных в своём существе объектов, но не формами движения субстанции. Для удобства и простоты изложения целесообразно называть первую форму субстанционального движения инертальной (от лат. *iners* — косный)).

*Вторая форма субстанционального движения.
Материальное и идеальное разделены и опосредствованы*

Начав с непосредственно данного, — нераздельности материального и идеального, — диалектическая мысль не может остановиться на этой данности и обязана подвергнуть её отрицанию, при котором нераздельность материального и идеального превращается в свою противоположность — разделённость.

Развитием предыдущей формы, её диалектическим отрицанием будет субстанциональная форма, в которой материальное и идеальное существуют раздельно.

Совершенно ясно, что такое отдельное идеальное не может быть идеальным в той форме, о которой речь шла до сих пор, а именно — снятием в самой субстанции в целом процесса её собственного саморазвития, неотделяемой сущностью субстанции.

Идеальное, подлежащее теперь рассмотрению, есть более сложная форма идеального и является диалектическим развитием прежней формы, её отчуждением от себя как своего отрицания. Но, во-первых, идеального не может быть без материального, и, с другой стороны, одному материальному не могут соответствовать разные идеальные представления одного процесса его собственного движения. Попробуем логически выяснить сущность искомого идеального и одновременно определить то материальное, которое его представляет, в котором оно снято (ведь материальное и идеальное субстанциональны, тождественны).

Поскольку собственное идеальное (идеальное «своё») отрицается, то это означает, что его место должно занять другое идеальное (идеальное «иного»). Но идеальное иного представлено материальным иного и в материальном же иного.

Мы пришли к логическому противоречию: некое идеальное должно одновременно принадлежать двум разным вещам (разному материальному) — одной вещи как её собственное идеальное (в форме своего идеального) и другой вещи как идеальное этой первой вещи (в форме идеального иного). Одновременно возникает и проблема механизма отрицания, отчуждения этого идеального и его присвоения другой вещью.

Очевидно, чтобы в какой-то вещи было представлено не только её собственное идеальное, но и идеальное другой вещи, они должны быть участниками одного процесса, т.е. взаимодействовать. Однако, одного этого условия недостаточно — факт взаимодействия как некий процесс будет просто представлен в том самом своём собственном идеальном каждого из взаимодействующих объектов, которое нераздельно с материальным.

Значит, необходимо выполнение ещё одного условия — в той вещи, в которой мы предполагаем раздельное сосуществование материального и идеального, идеальное другой вещи должно быть представлено осо-

бо — как идеальное представление именно другой вещи. Следовательно, в вещи, которая способна представлять другую вещь, должна существовать особая материальная структура (ведь материальное и идеальное нераздельны), воспринимающая воздействие другой вещи и затем представляющая её идеально, т.е. как снятую, в «своей» вещи. При этом собственное идеальное этой особой материальной структуры ничтожно, сущность её состоит в представлении «иного» идеального.

Это вторая форма идеального: в вещи, которая уже обладает «своим» идеальным как снятием процесса её собственного развития, одновременно какой-то частью её материального представляется другая вещь (процесс), взаимодействующая с первой, и т.о. дополнительно возникает идеальное представление другой вещи, идеальное «иного».

Другими словами, отрицание «своего» идеального есть одновременно рефлексия особой материальной структурой другого, взаимодействующего материального, формирование т.о. идеального «иного» и представление его в снятой форме в «своей» субстанции.

Тем самым субстанция усложняется — кроме того, что она содержит внутреннее противоречие между собственными материальным и идеальным моментами, в ней происходит снятие процесса взаимодействия с внешней вещью (процессом), возникает идеальное представление внешней вещи (процесса), которое осуществляется частью материального первой вещи, её особой материальной структурой. Эта отдельно оформленная особая структура субстанции и выполняет вновь возникшую функцию — представление в идеальной (снятой) форме в «своей» субстанции другой, внешней ей вещи, процесса, субстанции.

Выявленная особая структура выполняет функцию опосредствования между «своим» и «иным». Теперь взаимодействие с другой субстанцией имеет не характер непосредственного воздействия их друг на друга, оно гораздо более сложное и в сущности, и по форме. Другая субстанция (процесс) предстаёт уже не в своей непосредственной актуальности, вещественности, а в идеальной форме — как некое «сообщение» о ней, как «ощущение» её, как рефлексия, отражение.

Т.о., в рассматриваемой субстанциональной форме можно выделить две формы идеального — идеальное собственного процесса развития (идеальное «своё»), и идеальное как представление внешней взаимодействующей субстанции, вещи (идеальное «иного»). Решающую роль здесь играет факт возникновения особой материальной структуры, функциональным назначением которой является восприятие воздействия внешней субстанции и представление её в идеальной (снятой) форме в своей субстанции. Разумеется, что идеальное представление другой вещи осуществляется не непосредственно в идеальной форме, а опосредствованно, как некие сигналы о внешнем раздражителе. Идеальность же заключается в том, что форма внешнего взаимодействия снимается и предстаёт

в субстанции в совершенно ином виде, не в форме прямого, непосредственного контакта, а в форме рефлексии, отражения, сообщения о нём. Это восприятие и преобразование внешнего воздействия в другую форму осуществляется особой структурой субстанции, снимающей внешние воздействия и представляющее их в особой форме внутри субстанции. Теперь оба условия, сформулированные выше, выполнены.

В этой форме субстанции, являющейся диалектическим отрицанием первой формы, в которой материальное и идеальное нераздельны, представлены уже две формы идеального — та же, что и в первой форме субстанции, т.е. идеальное собственного процесса (своё идеальное, нераздельное) и идеальное другой вещи как её представление, снятие в этой вещи (идеальное иного, отдельное). Это перекликается с ильенковским идеальным: «...один материальный объект, оставаясь самим собой, выступает в роли представителя другого объекта, а ещё точнее — всеобщей природы этого объекта, всеобщей формы и закономерности этого другого объекта». Но есть и отличие — представителем другого является не весь объект, а его особая структура.

Эти субстанции реагируют на внешние воздействия не как субстанции первого вида, т.е. непосредственным изменением своей вещественности, структуры (вплоть до разрушения), а опосредствованно, реагируя на сигналы своего особого органа (эволюционно развивавшегося по возрастающей — особые клетки, нервный узел, мозг) и приспособляясь, по возможности, к новой ситуации. Возникают новые природные феномены — поведение и его форма, приспособление и, как следствие, телеологичность в самой примитивной форме как стремление к самосохранению. Собственно эти феномены, как следствие появления особого органа и его функционального назначения — формирования идеального иного, и отличают «живые» субстанции от «неживых», косных. Живое только то, что внутри себя явно отделяет идеальное от материального посредством особого материального органа. Совершенно ясно, что возникновение жизни как явного разделения (отличения, отчуждения) идеального от материального невозможно, если в не-жизни предварительно не содержится имплицитно, не сосуществуют в неявном виде материальное и идеальное.

Очевидно, вторую форму субстанционального движения целесообразно называть витальной (от лат. *vita* — жизнь, *vivus* — живой).

В живой субстанции своё идеальное является пассивной формой, определяемой изменением материального тела. Идеальное же иного начинает играть активную роль в поведении субстанции как фактор, его инициирующий, определяющий. Оно становится явным и относительно независимым, это уже идеальное для-себя.

Возникающее противоречие между наличным состоянием субстанции и внешними объектами-раздражителями, которые внутри субстан-

ции предстают как активная форма идеального, становится внутренним источником движения субстанции, её реакцией на внешнее воздействие, адаптацией к изменившимся условиям. Эта реакция может быть двоякого рода — внешнее изменение как изменение формы взаимодействия субстанции с другим объектом (поведенческая адаптация) и внутреннее изменение как изменение структуры, свойств, сущности субстанции (эволюционная адаптация).

Идеальное неживой природы нераздельно с материальным, непосредственно, оно в-себе, в возможности, в потенции, скрытое. Здесь, по видимости (но не по сущности), явная первичность материального как активного фактора.

Идеальное живой природы выходит из тени. Оно существует в двух формах — одновременно и в-себе как своё идеальное, и для-себя как идеальное отражение внешней вещи, как своё иное, вернее своё иного. Теперь идеальное не только представлено явно, наравне с материальным, но и выполняет ведущую роль как инициатор возникновения противоречия между материальным и идеальным.

Третья форма субстанционального движения

Логически определив ранее две формы субстанционального движения — первую как форму, в которой материальное и идеальное нераздельны, непосредственны, а вторую как форму, в которой материальное и идеальное разделены и опосредствованы — следует решить вопрос и о форме субстанции, в которой материальное и идеальное не только разделены, но которая способна отчуждать идеальное в идеальном же — в мышлении — и действовать с этим идеальным объектом самостоятельно.

Сущность субстанций второй субстанциональной формы движения заключается в том, что, не имея возможности самостоятельных действий с идеальным иного, они реагируют непосредственно на это идеальное и, т.о., их реакция будет приспособительной реакцией, поведенческой ли, эволюционной ли, но приспособительной. Эти субстанции в своих действиях всецело детерминированы внешним миром, поскольку не в состоянии отчуждать идеальное в форме самостоятельного объекта, и могут реагировать на идеальное отражение внешнего мира только непосредственной реакцией, поведенческой либо эволюционной. Такие субстанции приспособляются к внешнему миру.

Выше мы говорили об особой структуре субстанции, снимающей и преобразующей внешнее взаимодействие в форму внутреннего воздействия за которым следует реакция субстанции, которая, как было сказано, может быть двоякой. Этот процесс восприятия внешнего воздействия и его преобразования во внутреннее воздействия есть не что иное, как процесс рефлексии, отражения, в котором решающую роль игра-

ет особый орган, мы уже имеем право так сказать, орган отражения, или даже более определённо — отражения и управления, поскольку отражение внешнего имеет следствием некое внутреннее воздействие, управляющее последующим изменением субстанции.

Очевидно, что орган (органы) отражения представляет в субстанции в идеальной форме не только внешние воздействия, но и внутренние состояния собственной субстанции, и по этой причине становятся возможными отмеченные выше процессы поведенческой и эволюционной адаптации как следствие формирования органом отражения субстанции идеальных представлений о внешнем окружении и внутреннем состоянии, на которые субстанция, подчиняясь уже управляющим сигналам органа отражения, реагирует определённым образом.

Т.о., результатом функционального разделения материального и идеального, их раздельного представления, является возникновение в явном виде феномена отражения, имеющего две формы проявления. Отражение как восприятие — это идеализация материального процесса, объекта, осуществляемая особым органом субстанции, органом отражения. Вслед за восприятием следует реакция на него — управляющее действие, превращение идеального импульса (т.е. представления внешнего объекта) во вполне материальные изменения субстанции, внешние — поведенческие, либо внутренние — сущностные.

Наличие феномена отражения, который имеет следствием появление способности у живых субстанций к изменениям, как поведенческим, так и сущностным, становится необходимым условием эволюции и приспособления видов. Применительно к процессу отражения уже можно говорить о равнозначности материального и идеального, они равноправны и, взаимодействуя, перетекают друг в друга.

Т.о. отражение в обобщённом виде есть форма опосредствования взаимодействия материального и идеального, и одновременно механизм разрешения противоречия между ними в живых субстанциях.

Отражение есть основа движения субстанции на принципиально новой основе — опосредствовании раздельно представленных материального и его активного идеального. Феномен отражения по мере развития живых субстанций проявляется вначале случайно, робко, неуверенно и непостоянно, затем всё более уверенно и в человеке представлен уже совершенно явно. Отражение есть феномен всеобщий — действующий и в неживой, и в живой природе. Процесс отражения лежит в основании движения всех субстанциональных форм, а не исключительно живых форм, но в разных формах движения субстанций он действует также в разных формах. В неживой субстанции неявно, как принципы снятия частного в целом и детерминации частей целым (что проявляется в форме т.н. законов природы), в живой субстанции в явном виде, как идеализация материального и материализация идеального (заметим, что принци-

пы снятия частного в целом и детерминации частей целым как всеобщие распространяют своё действие и на живые субстанции). Здесь уместно ещё раз напомнить ленинские предположения: «...ощущение признается одним из свойств движущейся материи»; «...„в фундаменте самого знания материи“ можно лишь предполагать существование способности, сходной с ощущением»; «...в ясно выраженной форме ощущение связано только с высшими формами материи (органическая материя)».

Сокращая путь логических рассуждений можно представить итоговый вывод, что орган отражения — мозг — развивается до такого уровня, что появляется способность отражать содержание собственного, до сих пор образного, неразрывного с действительностью, мышления — появляется феномен отражения отражения. Возникает самосознание. Рождается человек. Отражение отражения, самоосознание субстанции — это последняя форма в развитии феномена отражения, сложнее которой быть не может, поскольку диалектический процесс возникновения, развития и разрешения противоречия завершён, отрицание отрицания свершилось. Этот вывод, к которому мы пришли положительно, Э.В. Ильенков сформулировал с отрицательной стороны: «Мышление бесспорно, есть высший продукт всеобщего развития, есть высшая ступень организации взаимодействия, предел усложнения этой организации. Формы более высокоорганизованной, чем мыслящий мозг, не только не знает наука но и философия принципиально не может допустить даже в качестве возможного, ибо это допущение делает невозможной самую философию [3, с. 417].

Субстанция, обладающая самосознанием, т.е. способностью отчуждать непосредственно данное идеальное в самостоятельный объект мышления и действовать с ним в соответствии с законами диалектики (т.е. рассматривать свой идеальный объект в его самодвижении) получает, т.о., новое идеальное, и, как следствие, имеет потенциальную возможность реагировать именно на это новое идеальное, полученное как результат мышления. Реакция субстанции, направленная вовне, это уже не непосредственное действие в ответ на внешнее воздействие, а действие, опосредствованное процессом мышления, вернее, его результатом, неким знанием. Такая субстанция в состоянии уже не только приспособляться к внешнему миру, но и изменять внешние условия своего существования. В своём историческом развитии субстанция, обладающая самосознанием, в итоге приходит к новой форме взаимодействия с внешней средой — она начинает вначале приспособлять внешний мир к себе, а затем создавать свой собственный искусственный мир. «... Существеннейшей и ближайшей основой человеческого мышления является как раз изменение природы человеком, а не одна природа как таковая, и разум человека развивался соответственно тому, как человек научался изменять природу» [5, Т. 20, с. 545]; «... Человек воздействует

обратно на природу, изменяет её, создаёт себе новые условия существования» [5, Т. 20, с. 546].

Налицо принципиальное изменение сущности и, как следствие, формы субстанционального движения, на основании чего субстанцию, способную в мышлении отчуждать идеальное и самостоятельно преобразовывать его, а затем действовать на основании полученного нового идеального (знания), следует признать самостоятельной, третьей формой субстанционального движения. Такая субстанция известна только одна — человек. Возможно, целесообразно называть третью форму субстанционального движения антропной (от др.-греч. *ἄνθρωπος* — человек). Применяемую в настоящее время формулу «социальная форма движения» нельзя признать удачной, поскольку социумы (сообщества) существуют у самых разных видов животного мира, т.е. во второй форме субстанционального движения (витальной).

Очевидно, что имеет смысл на основании проделанного анализа выявить сущность человека как особенной субстанциональной формы.

Мышление как деятельность сознания есть только момент, сторона сущности человека как субстанции. Другой стороной является его практическая деятельность, неразрывно связанная с мышлением и одновременно противостоящая ей. Человек возможен только как тождество бытия и сознания, практики и мышления.

Человек как субстанция существует только в диалектическом единстве этих сторон, их непрерывном взаимодействии, переходе друг в друга, в их противоречии и снятии этого противоречия — т.е. только в движении, развитии. Суть этого процесса заключается в движении от отражения внешнего мира и представления его в форме идеального содержания сознания и последующих действий мышления со своими идеальными объектами (процесс познания) — к практическому воплощению знания, материализации (процесс практики) — и затем снова к отражению в сознании сущности полученного практического результата и дальнейшей работы с новыми идеальными объектами. В целом — это активная, преобразующая внешний мир, деятельность, конечным результатом которой является создание искусственного мира, приспособленного к человеку.

Т.о. сущность человека как субстанции (субстанциональная сущность человека) состоит в целостности его жизнедеятельности как постоянно возобновляющегося циклического процесса отражения, — идеализации материального и материализации идеального, — которая (жизнедеятельность) предстаёт как единство (тождество) взаимодействующих обоюдонаправленных процессов, — единства познания (идеализация материального) и практики (материализация идеального) «...Свободная сознательная деятельность как раз и составляет родовой характер человека» [5, Т.42, с. 93]; «...именно в переработке предметного мира человек... действительно утверждает себя как родовое существо.» [5, Т.42,

с. 94] — имеющих итогом приспособление внешнего мира к человеку, а не наоборот. Результатом является создание искусственной среды обитания, искусственной природы, посредством которой человек формирует условия своего дальнейшего саморазвития. Хотя и в другом контексте, и другими словами, но фактически то же самое сказал Э.В. Ильенков: «Логические — диалектические — законы и суть не что иное, как законы процесса «обмена веществ» между человеком (обществом) и природой, законы превращения объективного в субъективное и обратно. Законы процесса циклического, точнее, спиралевидного, с каждым циклом расширяющего свои масштабы.

Поэтому законы диалектики (логики) и связывают в одно целое и природу, и общество, и «мышление» (познание, понимание). Это именно законы связи, взаимоперехода одного в другое, формы их реального конкретного тождества, законы процесса отождествления, понимаемого как превращение одного в другое, непосредственно естественно природного в общественное, историческое бытие человека» [2, с. 101].

При этом субстанциональность человека проявляется и в индивидуальной форме, и в форме сообщества (другими словами субстанционален и отдельный человек, индивид, и его группы (сообщества, развивающиеся по своим внутренним правилам), и общество в целом). Однако, и индивид, и группы (сообщества) индивидов могут обрести именно человеческую субстанциональность как способность создания искусственного мира только в обществе как целом. В этой противоречивой тождественности общество — всеобщее, группы индивидов (сообщества, классы и т.п.) — особенное, индивиды — единичное. Поскольку материальный процесс развития каждого общества исторически конкретен (индивидуален) и снимается в его конкретном же идеальном (качествах, свойствах), то каждое общественное образование несёт на себе печать (родовые качества, если угодно) истории именно своего общества как целого, всеобщего, а индивиды также и особенного — своего социального слоя.

Исходя из определённой выше сущности человека можно сделать самый общий вывод: полное и свободное развитие человека как субстанции и в форме индивида, и в форме общества возможно только при отсутствии ограничений такому развитию, т.е. при наличии (вернее, при создании самим человеком) таких условий, которые позволяют раскрыть все потенции человека как саморазвивающейся субстанции — и как личности, и как сообщества личностей, всех без исключения. Следовательно, необходимо наличие вполне определённых материальных и идеальных условий, не только не ограничивающих ни с одной из сторон (материальной либо идеальной) развитие человека, но и способствующих такому развитию.

Очевидно, что этот вывод следует ещё раз подчеркнуть — сама субстанциональная сущность человека необходимо диктует ему условия

его развития — полное освобождение человека (и в форме индивида, и в форме сообщества) от всех моментов, связывающих и ограничивающих его само-деятельность, отчуждающих его от свободной творческой деятельности. Полностью свободная деятельность — вот субстанциональная сущность человека (и индивида, и общества в целом). Цель этой деятельности — познание и изменение внешнего мира в интересах человека. (Впрочем, нельзя исключить возникновения в отдалённом будущем цели и более высокого — космического — порядка: осуществление космических антиэнтропийных процессов, о чём говорил Э.В. Ильенков в «Космологии духа»). Субстанциональная сущность человека не только не налагает на подобные действия никаких ограничений, но, напротив, способствует этому.)

Эти условия может создать только сам человек и только сознательной деятельностью, спонтанно они не возникнут. Отсюда следует второй вывод — на каком-то уровне своего развития человек должен перейти к осознанному управляемому саморазвитию.

Четвёртая форма субстанционального движения

С соединением в человеческой практике материального природы и собственно человеческого идеального в форме знания возникает новый природный феномен.

Человек, отчуждая от себя в процессе деятельности, практики, идеальное в форме знания и воплощая его в продуктах труда, создаёт новый мир. Знание, воплощённое человеком в веществе природы, в продуктах труда как их идеальное содержание, порождает новую субстанциональную форму. Возникает форма субстанции, внешне совпадающая с первой формой субстанционального движения, в которой материальное и идеальное нераздельны. Но форму субстанционального движения, о которой здесь идёт речь, следует признать вполне самостоятельной формой, поскольку идеального, воплощённого человеком в продуктах своей деятельности, т.е. знания как концентрированного и одновременно избирательного и комбинированного выражения законов природы, в природных вещах не существует. Это искусственное идеальное, существующее только в «очеловеченной» форме и являющееся результатом жизнедеятельности человека, придаёт продуктам труда форму и качества, которых нет в природе, заставляет их действовать по своим имманентным законам, определяемым их очеловеченным идеальным. Эта, по сути, иная, новая природа (вторая природа по Энгельсу), обладает, как уже говорилось, принципиально новым субстанциональным качеством.

Человек, создавая с помощью своего идеального (знания) новое материальное, т.е., говоря другими словами, помещая идеальное в форму знания в материальное, создаёт новую форму движения субстанции — очеловеченное материальное.

Пока эта форма субстанции всецело несамостоятельна и полностью зависит от человека не только как определяемая им, но и потому, что ещё совершенно не развита. Её предназначение до сих пор, в основном, узко специфично — обеспечение жизнедеятельности человека, причём жизнедеятельности в буквальном смысле, как его самосохранения, выживания, хотя потенция этой формы субстанции безгранична, как безгранична природа и её законы. Пока невозможно указать на принципиальные ограничения на создание с использованием познанных природных законов любых объектов и процессов (в т.ч. и саморазвивающихся), сколь бы сложны и масштабны они ни были — вплоть до космического масштаба. (Для краткости можно называть четвёртую форму субстанционального движения артифициальной (от лат. *artificialis* — искусственный), либо, что даже предпочтительнее, ноосферной, в том смысле, который вкладывал в это понятие В.И. Вернадский.)

Здесь можно ещё отметить, что с созданием саморазвивающихся объектов, т.е. таких, развитие которых не требуют дальнейшего вмешательства человека, четвёртая форма субстанционального движения отождествляется, смыкается с первой формой и т.о. всё субстанциональное движение замыкается в круговое движение. Точнее сказать, это спиральная форма, на каждом новом витке которой все предыдущие формы диалектически снимаются в высшей форме.

Естественно, что для каждой формы субстанционального движения характерны свои особенные внутренние противоречия, являющиеся источником их самодвижения, но это другая тема.

Литература

1. Гегель Г. Наука логики. В 3 т. — М.: Мысль, 1970.
2. Ильенков Э.В. Искусство и коммунистический идеал. Избранные статьи по философии и эстетике. — М.: «Искусство», 1984.
3. Ильенков Э.В. Космология духа // Философия и культура. — М.: Политиздат, 1991.
4. Ленин В.И. ПСС. 5-е изд. — М., 1967.
5. Маркс К., Энгельс Ф. 2-е изд. Соч. В 50 т. — М., 1955.
6. Спиноза Б. Избранные произведения. В 2 т. Т. 1. — М., 1957.
7. Философская Энциклопедия. В 5 томах. — М., 1960–1970.
8. Петров А.П. К проблеме идеального / Э.В. Ильенков и философия Маркса. Сборник научных трудов (под ред. Г.В. Лобастова). — Усть-Каменогорск, 2018.